

Психологические факторы экстремистских тенденций личности

© 2021 Эльзесер Анастасия Сергеевна*, Кадыров Руслан Васитович**, Капустина Татьяна Викторовна***, Богатырева Тамара Хамзатовна****

*преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета (г. Владивосток), e-mail:

kafopdfkpvgy@yandex.ru

**кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета (г. Владивосток), e-mail: rusl-kad@yandex.ru

***кандидат психологических наук, доцент кафедры общепсихологических дисциплин Тихоокеанского государственного медицинского университета (г.

Владивосток), e-mail: kafopdfkpvgy@yandex.ru

****студент специальности клиническая психология Тихоокеанский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения Российской Федерации, (г. Владивосток), e-mail: kafopdfkpvgy@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен анализ зарубежных исследований психологических факторов экстремистских тенденций личности. Систематизация психологических факторов экстремистских тенденций личности осуществлена на основе биопсихосоциоэтической модели, Г.В. Залевского, которая выделяет составляющие психологических нарушений в соответствии с компонентами функционирования психики: Я телесным, Я социальным, Я актуальным, Я духовным.

Ключевые слова. экстремистские тенденции; экстремизм; радикализация личности; биопсихосоциально-этическая модель; социально-психологическая дезадаптация.

Psychological factors of extremist personality tendencies

© 2021 Elzesser Anastasia Sergeevna *, Kadyrov Ruslan Vasitovich **,

Капустина Tatyana Viktorovna ***, Bogatyreva Tamara Khamzatovna ****

* Lecturer, Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University (Vladivostok), e-mail: kafopdfkpvgy@yandex.ru

** PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of General Psychological Disciplines of the Pacific State Medical University (Vladivostok), e-mail: rusl-kad@yandex.ru

*** PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General Psychological Disciplines of the Pacific State Medical University (Vladivostok), e-mail: kafopdfkpvgy@yandex.ru

**** student of clinical psychology, Pacific State Medical University Ministry of Health of the Russian Federation, (Vladivostok), e-mail: kafopdfkpvgy@yandex.ru

Annotation: The article presents an analysis of foreign studies of psychological factors of extremist personality tendencies. The systematization of psychological factors of extremist personality tendencies was carried out on the basis of the biopsychosocial ethical model, G.V. Zalevsky, which identifies the components of psychological disorders in accordance with the components of the functioning of the psyche: I am bodily, I am social, I am actual, I am spiritual.

Keywords: extremist tendencies; extremism; radicalization of the personality; biopsychosocial ethical model; socio-psychological maladjustment

В современном обществе проблема экстремизма является актуальной, ввиду многообразия его проявления, что ставит перед отечественными и зарубежными учеными большое количество научных задач в изучении психологических факторов этого феномена.

Зарубежные психологические исследования экстремизма сосредоточены на следующих областях: 1) выявление факторов радикализации как предпосылок формирования экстремистских убеждений [9, 10, 12, 15, 18, 19, 20, 22]; 2) формулирование объясняющих моделей радикализации [11, 13, 14]; 3) анализ эффективности подходов к выявлению экстремистов [21] и психодиагностических средств [17]; 4) способы профилактики экстремизма [6, 8]. Следует отметить, что направленность большинства исследований на изучение факторов развития и проявления экстремистских форм социальной активности обусловлена не только их высоким потенциалом для профилактики насильственного экстремизма, но и неудачей в выявлении уязвимых к экстремизму групп путем диагностирования индивидуально-психологических характеристик.

Действительно, десятилетия исследований не смогли определить профиль экстремистской личности, спектр личностных особенностей, которыми в большинстве случаев обладал бы каждый человек, участвующий в экстремистских формах социальной активности [16]. Тем не менее, могут быть определены индивидуально-психологические черты, которые связаны с вовлечением в экстремизм. К примеру, R. Borum описывает ряд когнитивных характеристик, обнаруженных у экстремистов [7], однако они являются неспецифическими. Основная трудность заключается в том, что склонность к догматизму, упрямству в отстаивании своих взглядов, косность мышления сами по себе не могут являться маркером принадлежности к экстремистам. Более того, целесообразно отделять экстремистские убеждения от насильственных действий, мотивированных экстремистскими взглядами, поскольку экстремистские убеждения не всегда приводят к насильственным действиям,

что позволяет проводить разделительную черту между людьми с экстремистскими взглядами и насильственными экстремистами [18], выделять и сравнивать группы экстремистов и террористов [6]. Поэтому мы рассматриваем экстремизм как форму нарушения социально-психологической адаптации, радикализацию – как процесс нарастания экстремистских тенденций личности, а факторы радикализации – как факторы социально-психологической дезадаптации личности, приводящие к усвоению крайних взглядов и готовности к крайним мерам.

Целью статьи является анализ существующих психологических факторов радикализации личности через призму биопсихосоциоэтической модели Г.В. Залевского, включающей четыре структурных звена Я – телесное, актуальное, социальное, духовное [1], позволяющей структурировать психические проявления, которым отводится центральная роль в радикализации личности, с точки зрения нарушений социально-психологической адаптации и проявления экстремистских тенденций.

На сегодняшний день существует большое количество методологий, которые, по мнению Г.В. Залевского, либо не учитывают очень важный компонент личности, а именно духовный аспект, например, биопсихосоциальная модель, либо он ставится на центральное место модели, как, например, в рамках экзистенциального и трансперсонального подходов, но тем самым перестают учитываться остальные. По этой причине он разработал биопсихосоциоэтическую модель, которая в своей основе учитывает «все миры» человека – биологический, психологический, социальный и духовный [2, 3, 4].

«Миры» представляют из себя пространства, в которых происходит развитие и саморазвитие личности. Такие «миры» автор разделяет на: мир телесности, психологический мир, общественный мир, духовный или культурный мир [1]. Ноэтическая или духовная составляющая в системе здоровья человека, по мнению Г.В. Залевского, представляет из себя

интегративное явление, которое содержит в себе запас определенных сил и возможностей для проявления активности и накопления ресурсов на всех уровнях здоровья человека.

Таким образом, выбор именно биопсихосоциальноэтической модели для данной работы обусловлен охватом всех сфер личности человека, который позволит произвести полный анализ имеющихся концепций и структурировать данные по структуре Я-телесное, Я-актуальное, Я-социальное и Я-духовное.

Выделяя психологические факторы радикализации (факторы развития экстремистских тенденций), авторы предъявляют тот или иной набор психологических характеристик как основной или ключевой.

Ozer & Bertelsen, вслед за А. Бандура [5], в качестве центрального фактора риска радикализации выдвинули отчуждение моральной ответственности (*moral disengagement*), добавив к нему недостаточную сформированность жизненных навыков. Жизненные навыки – это психологические способности, используемые для преобразования общих жизненных задач человека и жизненных проблем в понятные, лично осмысленные и обычно значимые и достижимые цели [15]. Недостаточность жизненных навыков можно отнести к нарушениям в сфере Я - актуального, поскольку, будучи изначально нарушением поведения, приводят к нарушениям адаптации в когнитивной, эмоциональной, социальной сфере: чрезвычайно упрощенной картине мира, неспособности продуктивно разрешать проблемы в отношениях, переживанию разочарования и неудовлетворенности своей жизнью.

A.N. Harpviken, к категориям факторов психологической уязвимости относит следующие: психическое заболевание, травматический опыт, ранняя социализация, предполагаемая дискриминация, специфический социальный капитал и делинквентность [9]. По разным данным, к социальному капиталу относятся: потребность в принадлежности, признании и контроле; реакция на изоляцию; потребность в безопасности, которые приводят к развитию

социальной идентичности в соответствии с идентичностью экстремистской группы. В то же время такие особенности социального капитала как неформальный контроль школы и семьи, является фактором «обратного действия» [9].

R. Vorun, направил свои исследования на поиск психологических уязвимостей и мотивационных, атрибутивных, волевых и эмоциональных аттитюдов, мировоззренческих склонностей [7].

Психологическая уязвимость в данном контексте – это ситуативные и контекстные факторы: потребность в личном смысле и идентичности; потребность в принадлежности; воспринимаемая несправедливость, которые указывают на то, что человек в большей степени «открыт для более активного участия» в актах насильственного экстремизма.

К мотивационным склонностям он относит: мотивы, связанные с отстаиванием и повышением статуса; мотивы, связанные со сформированной на основе экстремистской идеологии идентичностью; мотивы азарта; мотивы отмщения за смерть близких; мотивы материального вознаграждения.

Атрибутивные склонности представляют из себя негативный атрибутивный стиль, который проявляется в виде склонности описывать причины происходящих событий в негативном ключе, разновидности и другие когнитивные склонности. К ним относятся внешняя предвзятость (тенденция винить в происходящем других, но не себя), персонализированная предвзятость (тенденция винить других, а не обстоятельства), предубеждение враждебной атрибуции (тенденция интерпретировать поведение других как враждебное), селективное восприятие – склонность обращать внимание только на ту информацию, которая поддерживает существующие убеждения, склонность к поспешным выводам [7].

Перечисленные психологические факторы относятся к особенностям восприятия, переработки и интерпретации информации, которые приводят к когнитивным искажениям. Несмотря на то, что психическое заболевание

далеко не всегда является фактором экстремизма, примеры перечисленных атрибутивных стилей приводятся из психиатрической практики.

В разделе «волевые и эмоциональные склонности» R. Vorum не упоминает исследования соответствующих характеристик экстремистов, а рассматривает идентичность как тесно связанную с волей. Так, сформировавшаяся идентичность «борца за свободу» приводит к соответствующему поведению и выбору символов, которые позволяют идентифицировать себя определенным образом. Однако, поскольку идентичность уже была нами упомянута, мы опускаем «волевые и эмоциональные особенности». К установкам относятся «пронасильственные» установки, установки на жалобы, на наличие внешней угрозы, а также поиск острых ощущений, который мы связываем с мотивом азарта, и дезингибция (растормаживание) установок, к которым относятся отчуждение моральной ответственности и теория нейтрализации, описывающая склонность задним числом оправдывать совершенные действия существующими общественными нормами. К мировоззренческим склонностям автор относит авторитаризм, догматизм, апокалитический (вера в приближающуюся катастрофу), фундаменталистское мышление [7].

С позиций рационально-эмоционально-поведенческой терапии (РЭПТ), насильственный экстремизм рассматривается как дисфункциональное поведение, вызванное иррациональными убеждениями и дисфункциональными эмоциями. Интерпретация жизненной ситуации как связанной с лишениями и угрозой приводит к выводам о несправедливости или неправильности происходящего, поддерживает убеждение о необходимости действовать, предотвращая повторение таких ситуаций и «исправляя» мир. Подобные иррациональные убеждения являются благоприятной почвой экстремистских идеологий [10]. Дальнейшее изучение иррациональных убеждений среди осужденных религиозных экстремистов и террористов в русле РЭПТ показало,

что преобладают мотивы долженствования, склонности к преувеличениям и перфекционизм [6].

Социальная депривация, действительная или мнимая, считается одним из центральных факторов радикализации, несмотря на отсутствие прямых эмпирических доказательств такой связи [12]. Это взаимодействие, формирующее мотив борьбы, для одних социальных групп объясняется ощущением стигматизации и низкого статуса в обществе, для других – отстаиванием собственного высокого статуса при подозрении, что его пытаются ущемить, для третьих – представления о другой социальной группе как угнетаемой, когда это вступает в противоречие с идеологическими убеждениями. Таким образом, в данном контексте ведущую роль играет не столько действительная несправедливость социальной ситуации, сколько когнитивная оценка социальной ситуации респондентами.

Склонность к консерватизму Л. Станков считает взаимосвязанной с насильственным экстремизмом, предлагая концепцию «консервативного синдрома» на основе анализа экстремистских текстов из 33 стран [18]. К его симптомам относятся установки на агрессию и её оправдание, стремление к материальным благам, этнонационализм, макиавеллизм и религиозность. В данной модели консервативный синдром связан с насильственным экстремизмом через ощущение «мерзкого мира», стремление к социальному доминированию и религиозность, при этом его отличает принятие моральных норм и отсутствие недовольства. Авторы выделяют три фактора насильственного экстремизма: недовольство (обида); интерпретация мира как «мерзкого», неправильного места; извинение насилия, связанное с религиозностью и/или утопизмом.

Из предлагаемой трехфакторной модели следует, что от насильственных экстремистских действий личность с консервативным синдромом удерживает интериоризированная мораль, то есть, сформированная в гуманистическом ключе ценностная сфера, при этом обида и недовольство усиливают

экстремистские тенденции. Отметим, что в предыдущей версии модели фактор «мерзость» имеет название «Запад», поскольку исламские экстремисты именно западные страны считают виновными во всех мировых проблемах [19].

Таким образом в основе психологического механизма радикализации могут лежать иррациональные убеждения и совокупность личностных факторов: глобальная самооценка (отношение к себе в целом), приверженность религии, сочетание низкого интеллекта или воображения, низкой экстраверсии при высоком уровне уступчивости [19].

Существует систематизация факторов усиления экстремистских тенденций, в основу которой положено различие поведенческой и когнитивной радикализации [20]. Как полагают авторы, в основе поведенческой радикализации лежат «толкающие» и «притягивающие факторы». К «толкающим факторам» авторы относят социальный контекст, побуждающий к насильственному сопротивлению: государственные репрессии, депривация, бедность, совершение несправедливости. «Толкающие факторы» вызывают разочарование и чувство несправедливости. «Притягивающие факторы» представляют собой психологические выгоды от принадлежности к экстремистской группе: идеология, чувство принадлежности и т.п. Для объяснения когнитивной радикализации чаще обращаются к «личностным факторам», обуславливающим уязвимость личности к радикализации. Они включают следующие индивидуально-психологические характеристики:

1) психические расстройства, психические заболевания и нарушения;

2) психологические состояния, связанные с личностным кризисом: депрессия, низкая самооценка, отчуждение, изоляция, одиночество, несоответствие;

3) когнитивную структуру и личностные качества: низкую толерантность к неопределенности, высокую неуверенность в себе, черно-белый тип мышления, импульсивность.

С насильственным экстремизмом связаны и особенности индивидуального опыта: судимость, употребление психоактивных веществ (ПАВ), военный опыт, знание оружия [20]. Однако авторы отмечают, что личностные факторы ответственны не только за когнитивный аспект. Так, психические расстройства обуславливают и поведенческую радикализацию, при этом, во многих случаях когнитивная и поведенческая радикализация оказываются взаимосвязаны.

Социально-психологический подход к изучению экстремизма выносит за скобки психические заболевания, нарушения, расстройства, исходя из предположения, что большинство террористов психически нормальны, и выделяет три фактора радикализации: индивидуальная мотивация (потребности), идеологическое оправдание насилия, внутригрупповые процессы [22]. Индивидуальная мотивация связана с переживанием несправедливого унижения, низкой самооценки, обусловленных различными трудными жизненными ситуациями, нарушается фундаментальная потребность в чувстве собственной значимости. Восприятие экстремисткой идеологии сужает круг возможных действий для восстановления собственной значимости, однако авторы подчеркивают значимость социального фактора – включенности в радикальное сообщество посредством близких друзей или интернета, без которых радикально настроенные люди «просто не знали бы, куда и к кому обратиться» [22].

Подход к изучению причин экстремизма, который предлагают М. Grossman и соавторы исходит от противного: вместо поиска уязвимостей и психологических факторов радикализации, предлагается оценивать наличие и силу подтвержденных социально-экологических факторов, которые способны защитить личность от вовлечения в радикальное насилие. Однако авторы указывают, что условия, провоцирующие уязвимость – постоянное воздействие токсичных структурных стрессоров, таких как дискриминация и социальная стигма – способны пошатнуть устойчивость к вовлечению в экстремизм [8].

Таким образом, предмет социальной психологии предопределяет выдвижение на первый план социальных факторов в радикализации личности.

Представленный обзор исследований психологических факторов развития экстремистских тенденций личности, позволяет определить компонентные основания, в контексте биопсихосоциоэтической модели и представить их в виде таблицы (Табл. 1).

Таблица 1.

Компонентное описание ключевых факторов развития экстремистских тенденций личности

Авторы	Я телесное (физиологические нарушения)	Я социальное (нарушения в социальных отношениях)	Я актуальное (когнитивные, эмоциональные и поведенческие нарушения)	Я духовное (ценности, смыслы, вера)
Ozer & Bertelsen, 2020	-	-	Поведенческие: недостаточность жизненных навыков	отсутствие моральной ответственности
Harpviken A.N., 2020	психическое заболевание	травматический опыт, ранняя социализация, предполагаемая дискриминация	Эмоциональные: реакция на изоляцию, Поведенческие: делинквентность.	потребность в принадлежности, признании и контроле, потребность в безопасности
Worum R., 2014	психическое заболевание	стремление сохранить и повысить социальный статус;	Когнитивные: догматизм, апокалитический фундаменталистское мышление;	основанная на идеологии идентичность; дезингибиция установок;

		стремление отомстить за смерть близких; авторитаризм	негативный атрибутивный стиль и связанные с ним когнитивные искажения Эмоциональные: мотивы азарта, эмоциональные особенности Поведенческие: волевые особенности и проявления	потребность в принадлежности ; потребность в личном смысле и идентичности; воспринимаемая несправедливость
Harrington N., 2013; Aldahadha B., 2018	-	-	Когнитивные: иррациональные убеждения, склонность к преувеличениям; Эмоциональные: дисфункциональные эмоции Поведенческие: перфекционизм	восприятие мира как несправедливого и неправильного; мотивы долженствования
Kunst J.R., Obaidi M., 2020	-	объективная или субъективная депривация	Когнитивные: представления о своей или чужой группе как угнетаемой Эмоциональные:	мотивация борьбы за справедливость

			недовольство	
L. Stankov, 2018	-	-	Эмоциональные: недовольство, обида Поведенческие: извинение насилия	восприятие мира как отвратительного места; религиозность и/или утопизм, оправдывающие насилие
S. Trip et al., 2019	-	высокий уровень уступчивости, низкая экстраверсия	Когнитивные: низкий интеллект / воображение	глобальная самооценка, религиозность
M. Vergani, et al., 2020	психичес кие заболеван ия	депривация, изоляция, подверженность несправедливости , виктимность	Когнитивные: низкая толерантность к неопределенности, неуверенность в себе, черно-белый тип мышления, Эмоциональные: депрессия, низкая самооценка, чувство несоответствия, одиночество, импульсивность Поведенческие: судимость, употребление ПАВ,	личный кризис

			военный опыт, знание оружия	
D. Webber, A.W. Kruglanski, 2018	-	идентификация с радикальным сообществом	Эмоциональные: переживание унижения	низкая самооценка, оценка происходящего как несправедливого ; идеология

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволил сделать следующие выводы:

Во-первых, на основе работ Г.В. Залевского и анализа имеющихся моделей рассмотрения здоровья, представлена биопсихосоциоэтическая модель как наиболее универсальный инструмент, который позволяет структурировать психический мир экстремиста и рассматривать его с учетом всех имеющихся аспектов личности.

В-третьих, выделенная биопсихосоциоэтическая модель может быть методологической основой для психодиагностики и профилактики экстремистских тенденций, где структурно представлена личность в четырех ее звеньях: Я-телесное, Я-актуальное, Я-социальное и Я-духовное. Представленный анализ зарубежных эмпирических исследований экстремистских тенденций личности, позволил целостно описать ее психологические характеристики, подчеркнуть масштабность проводимой работы при отсутствии в большинстве случаев какой-либо методологической основы.

Литература:

1. Залевский Г.В. В поиске интегративного подхода к проблеме психологии здоровья и здорового образа жизни студенческой молодежи // Проблемы здоровья личности в теоретической и прикладной психологии : материалы

- Международ. науч.-практ. конф. / под ред. Н.А. Кравцовой. Владивосток : Мор. гос. ун-т им. Адм. Г.И. Невельского, 2011. С. 17-25
2. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию. [Электронный ресурс]. ИДО ТГУ, 2006.
3. Залевский Г.В. Залевский Ю.В., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоционо-этическая модель развития личности и её здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. №33. С. 99-103.
4. Кузьмина Ю.В. Программа психологического сопровождения беременных женщин в контексте биопсихосоционоэтической модели беременности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 113-115
5. Ледовая Я. А., Тихонов Р. В., Боголюбова О. Н., Казенная Е. В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. 2016. Т. 16. № 4. С. 23-39. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.402
6. Aldahadha B. Disputing Irrational Beliefs Among Convicted Terrorists and Extremist Beliefs // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2018. № 36, p. 404-417. DOI: 10.1007/s10942-018-0293-7
7. Borum R. Psychological Vulnerabilities and Propensities for Involvement in Violent Extremism // Behavioral Sciences and the Law. 2014. № 32 (3). p. 286-305. DOI: 10.1002/bsl.2110
8. Grossman M., Hadfield K., Jefferies Ph., Gerrand V., Ungar M. Youth Resilience to Violent Extremism: Development and Validation of the BRAVE Measure // Terrorism and Political Violence. 2020. p. 1-21. DOI: 10.1080/09546553.2019.1705283
9. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. p. 1-26. DOI: 10.1007/s40894-019-00108-y

10. Harrington N. Irrational beliefs and socio-political extremism // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2013. № 31. p. 167-178. DOI: 10.1007/s10942-013-0168-x
11. Khalil James and Zeuthen Martine Countering Violent Extremism and Risk Reduction A Guide to Programme Design and Evaluation. Article in Whitehall Papers 2016
12. Kunst J.R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35, p. 55-59. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.03.010
13. Kruglanski Arie W My Road to Violent Extremism (As Its Researcher, That Is...). Perspectives on Psychological Science 14(1):49-53, 2019. DOI:10.1177/1745691618812688
14. Kruglanski A., Jasko, K. Chernikova M., Dugas M., Webber D. To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance. Psychology, Medicine. American Psychologist, 2017 DOI: 10.1037/amp0000091
15. Ozer Simon, Obaidi Milan and Pfattheicher Stefan Group membership and radicalization: A cross-national investigation of collective self-esteem underlying extremism. Group Processes & Intergroup Relations 1–19, 2020 DOI:10.1177/1368430220922901
16. Pisiu, D., Zick, A., Srowig, F., Roth, V., & Seewald, K. Factors of individual radicalization into extremism, violence and terror – the German contribution in a context. International Journal of Conflict and Violence, 14(2), 1-12. 2020 doi: 10.4119/ijcv-3803
17. Scarcella A, Page R, Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments. PLoS ONE 11(12): e0166947. 2016. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>

18. Stankov L. Psychological processes common to social conservatism and terrorism // *Personality and Individual Differences*. 2018. № 120. p. 75-80. DOI: 10.1016/j.paid.2017.08.029
19. Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A., Drugas M. I. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. p. 1–8. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00437
20. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization Into Violent Extremism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020. Vol. 43. p. 854-885. № 10. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1505686
21. Van De Weert A. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth. *Political Science Crime, Law and Social Change*, 2020 DOI: 10.1007/s10611-019-09877-y
22. Webber D., Kruglanski A. W. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. p. 131-134. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.03.024

References:

1. Zalevskij G.V. V poiske integrativnogo podhoda k probleme psihologii zdorov'ya i zdorovogo obraza zhizni studencheskoj molodezhi // *Problemy zdorov'ya lichnosti v teoreticheskoy i prikladnoj psihologii : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. N.A. Kravcovej*. Vladivostok : Mor. gos. un-t im. Adm. G.I. Nevel'skogo, 2011. S. 17-25
2. Zalevskij G.V. Vvedenie v klinicheskuyu psihologiyu. [Elektronnyj resurs]. IDO TGU, 2006.
3. Zalevskij G.V. Zalevskij YU.V., Kuz'mina YU.V. Antropologicheskaya psihologiya: biopsihosociono-eticheskaya model' razvitiya lichnosti i eyo zdorov'ya // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2009. №33. S. 99-103.

4. Kuz'mina YU.V. Programma psihologicheskogo soprovozhdeniya beremennyh zhenshchin v kontekste biopsihosocionoeticheskoy modeli beremennosti // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2008. № 27. S. 113-115
5. Ledovaya YA. A., Tihonov R. V., Bogolyubova O. N., Kazennaya E. V., Sorokina YU.L. Otchuzhdenie moral'noj otvetstvennosti: psihologicheskij konstrukt i metody ego izmereniya // Vestnik SPbGU. 2016. T. 16. № 4. S. 23-39. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.402
6. Aldahadha B. Disputing Irrational Beliefs Among Convicted Terrorists and Extremist Beliefs // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2018. № 36, p. 404-417. DOI: 10.1007/s10942-018-0293-7
7. Borum R. Psychological Vulnerabilities and Propensities for Involvement in Violent Extremism // Behavioral Sciences and the Law. 2014. № 32 (3). p. 286-305. DOI: 10.1002/bsl.2110
8. Grossman M., Hadfield K., Jefferies Ph., Gerrand V., Ungar M. Youth Resilience to Violent Extremism: Development and Validation of the BRAVE Measure // Terrorism and Political Violence. 2020. p. 1-21. DOI: 10.1080/09546553.2019.1705283
9. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. p. 1-26. DOI: 10.1007/s40894-019-00108-y
10. Harrington N. Irrational beliefs and socio-political extremism // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2013. № 31. p. 167-178. DOI: 10.1007/s10942-013-0168-x
11. Khalil James and Zeuthen Martine Countering Violent Extremism and Risk Reduction A Guide to Programme Design and Evaluation. Article in Whitehall Papers 2016
12. Kunst J.R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35, p. 55-59. DOI: 10.1016/j.copsy.2020.03.010

13. Kruglanski Arie W My Road to Violent Extremism (As Its Researcher, That Is...). *Perspectives on Psychological Science* 14(1):49-53, 2019. DOI:10.1177/1745691618812688
14. Kruglanski A., Jasko, K. Chernikova M., Dugas M., Webber D. To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance. *Psychology, Medicine. American Psychologist*, 2017 DOI: 10.1037/amp0000091
15. Ozer Simon, Obaidi Milan and Pfattheicher Stefan Group membership and radicalization: A cross-national investigation of collective self-esteem underlying extremism. *Group Processes & Intergroup Relations* 1–19, 2020 DOI:10.1177/1368430220922901
16. PISOIU, D., ZICK, A., SROWIG, F., ROTH, V., & SEEWALD, K. Factors of individual radicalization into extremism, violence and terror – the German contribution in a context. *International Journal of Conflict and Violence*, 14(2), 1-12. 2020 doi: 10.4119/ijcv-3803
17. Scarcella A, Page R, Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments. *PLoS ONE* 11(12): e0166947. 2016. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166947>
18. Stankov L. Psychological processes common to social conservatism and terrorism // *Personality and Individual Differences*. 2018. № 120. p. 75-80. DOI: 10.1016/j.paid.2017.08.029
19. Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A., Drugas M. I. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. p. 1–8. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00437
20. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization Into Violent Extremism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020. Vol. 43. p. 854-885. № 10. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1505686

21. Van De Weert A. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth. *Political Science Crime, Law and Social Change*, 2020 DOI: 10.1007/s10611-019-09877-y
22. Webber D., Kruglanski A. W. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. p. 131-134. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.03.024